

Моя дорогая Одесса

Этот эксклюзивный материал – воспоминания вдовы писателя Льва Славина – любезно предоставлен внучатым племянником писателя Владимиром Рубцовым, ныне проживающим во Франции.

Софья Славина. 1929 г.

Из Киева в Одессу, в свою семью муж привез меня 18 февраля 1923 года. Он просил не встречать нас на вокзале, так как поезда приходили с опозданием, и мы вдвоем входили в ворота двора, в котором жила его семья. Мы шли через двор, вдруг муж сказал:

– Держись левее, она может выпасть из окна.

Я оглянулась – из всех окон флигелей, окаймлявших двор, на нас глядели. Большею частью женщины, иногда с детьми. Я спросила:

– Что это?

Лева сказал:

– Ну, как же? Они узнали о важном событии – Левочка Славин женился! Интересно посмотреть, кого привез.

Лева взял чемодан в левую руку, а правой меня под руку и зашагал, чтобы сделать наше шествие через двор торжественнее. Я съезжилась от смущения, шла, как сквозь строй. Вдруг услышала:

– Мадам Славина!

– Это тебя, – сказал Лева.

– Мадам Славина, вы встретили сметану?

Я опешила, а мой муж спокойно сказал:

– Нет, мадам Прокопович, мы не заходили в магазин.

Ох! Ну, наконец, входная дверь, поднимаемся по лестнице. Я мало знала его родных. Меня встретили ласково, но я очень стеснялась, и когда муж на другой день уходил на работу, я попросила, чтобы он взял меня с собой. Муж работал в библиотеке на Дальницкой – далеко от центра. Пришли. Муж пошел наверх в коллектор, а я села за стол и взяла

книгу. Это оказался Брэм, которого очень любила. Сидела и читала. Вдруг распахнулась дверь, я оглянулась. Вошел высокий худой человек и спросил:

— Никого нет?

— Я здесь...

— А, девочка! Что ты читаешь?

— Брэма.

— Вот что!

Подошел, закрыл ладонью надпись под рисунком и, показывая на какую-нибудь птицу, говорил, в каком краю живет, как ее зовут, как выводит птенцов, какие звуки издает... Я была поражена и даже воскликнула:

— Вы все знаете!

Муж спросил сверху:

— С кем ты разговариваешь?

Ответил мой собеседник:

— Лева? Это я — Эдя!

— Эдя?! Так это Багрицкий Эдуард!

Муж много рассказывал мне о нем, читал его стихи, Я так любила "И пред ним зеленый снизу, голубой и синий сверху, мир встает огромной птицей — свищет, щелкает, звенит!" Багрицкий!

— Эдя, познакомьтесь, это — моя жена.

— Она — жена? — Багрицкий весело рассмеялся. — Ну, тогда надо ее показать Бабелю!

— Хорошо, идите, я все подготовлю, придет моя помощница, и я тоже приду туда.

Бабель! Сейчас увижу Бабеля. Лева о нем тоже рассказывал. Конармия! Конармеец Бабель! На коне всадник Бабель скачет с отрядом через поле на врага!..

— Ну так пойдете, — обратился ко мне Багрицкий уже на "вы", взял меня за руку и, как ребенка, повел на Ришельевскую, где жил Бабель. По дороге рассказывал о рыбах из дальних рек и морей, которые жили у него в аквариуме.

— Они разнообразны, очень красивы, можно часами смотреть, как они себя ведут. Это очень интересно. Заведите аквариум. Я помогу вам.

Пришли на Ришельевскую. Багрицкий нажал на звонок. Дверь открыл невысокий, скорее широкий, чем полный, человек в очках. Подумала: "Это, конечно, не Бабель".

А Багрицкий сказал:

— Исаак, познакомьтесь, это — жена Левы Славина.

Исаак? Так это все-таки Бабель? Исаак Эммануилович Бабель! Непохож...

Бабель сказал:

— Рад познакомиться. Прошу! — и провел нас в комнату.

Я опять удивилась. Комната была похожа на комнату в доме моей бабушки: большой стол, накрытый темной скатертью, огромный буфет с множеством разных дверец, диван с высокой спинкой и шкафчиками. Бабель предложил мне сесть и крикнул:

— Евгения Атилиловна! У нас гостя — жена Левы Славина, и мы хотим чаю.

— Сейчас. Чай готов.

И вошла женщина, высокая, довольно полная, красивая.

Помню две толстые косы, уложенных, как корона, вокруг головы. Я вскочила. Женщина улыбнулась, поставила поднос, поздоровалась, сказала: "Очень приятно", — и ушла.

Атилиловна? Ее папу зовут Аттила?

Через несколько минут она снова вошла и поставила на стол тарелку с бубликами. Ох, эти знаменитые одесские бублики! Какое царское угощение это было тогда!

Бабель сказал:

— Спасибо, Евгения Нероновна!

— Нероновна? Так Атилиловна или Нероновна?

Конечно, поняла, что Бабель шутит. Позже узнала, что его жену звали Евгения Борисовна.

— Ну, давайте пить чай, — сказал Бабель.

Я от смущения вертела ложечкой в чашке и совершенно напрасно. Сахара не было не только у Бабея, но и вообще нигде не было никакого сахара. Багрицкий и Бабель разговаривали, шутили, смеялись, о чем-то спрашивали меня, не помню ничего. Была очень смущена, не помню — отвчала или нет, не помню, что говорила. Звонок.

Багрицкий сказал: "Это Славин".

Бабель вышел встречать и почему-то они долго не входили.

Я услышала смех моего мужа, потом он позвал меня.

— Познакомьтесь, Исаак Эммануилович, моя жена — Софья Наумовна Лившиц.

— Как?.. А я думал, она — русская. Вы же знаете... Я считаю, что надо смешиваться... Мы живем где?

- Ну, что поделаешь, на этот раз не удалось! — сказал мой муж.
Эта его неудача длилась шестьдесят один год, пока он был на этом свете.
— Лева, хотите чаю? — спросил Бабель.
— Спасибо.

С приходом мужа мне стало легче. Слышала их разговоры с бесконечными шутками, одесскими анекдотами. Я освоилась, перестала смущаться, веселилась и очень радовалась.

С Бабелем мы в Одессе встречались нечасто. Он вскоре уехал. А Багрицкого, по-моему, мы видели всегда. При библиотеке, где работал муж, был литературный кружок "Потоки Октября", там собирались молодые одесские писатели. Заведующим этим "культурным мероприятием" был человек довольно странный. Кажется, его фамилия была Петров*. Он открывал собрания приветственной речью, которую всегда заканчивал одной и той же фразой: "Россия как таковая хочет петь!". Потом уходил; ему было неинтересно, что там пишут его подопечные. За ним уходила и всегда сопровождавшая его жена. И тут начиналось!.. Пародии, остроты, импровизации... Багрицкий вслед ему говорил:

- Ушел Петров как таковой, за ним жена — как таковая.

Помню какие-то строчки из стихов Микитенко о собрании писателей. Они начинались так: "...И встанет пышный Эдуард, сверкая впадиной зубною, Гехт Соломон войдет в азарт, тряся библейской головою...". Эдуард, перефразируя известные кипплинговские "Запад есть запад, восток есть восток.." читал, почти пел: "Здесь справа — Захаров, а слева — Шпирт и Яковен-ко, есть. И столь талантливых парней, что их невозможно счесть..." Сначала дурачились, потом читали всерьез стихи и прозу. Молодые поэты ждали, что скажет Багрицкий об их стихах.

Эдуард Григорьевич был беспощаден, но делал это так дружелюбно, даже ласково, никто не обижался. Он говорил:

- Я не могу научить вас писать стихи, я могу научить вас любить стихи.

Сам читал стихи свои и других поэтов. Читал Державина, Случевского, Баратынского, Каролину Павлову, Иннокентия Анненского, Тютчева. Своей влюбленностью в Лескова заразил всех, с кем общался. Встречи с ним всегда были праздником. Всегда веселый, остроумный, влюбленный в поэзию, прекрасный поэт, талантливый импровизатор, всегда беспечный Эдуард!

Кстати, он устроил нам комнату через своих друзей. Мы захотели жить отдельно от родителей мужа, мы их стесняли. Да и я стеснялась.

---

* Возможно, это был Чернов. — Ред.

Друг Багрицкого — филолог, жена — художница, потомок гетмана Скоропадского, претендент на украинский престол. Комната была в доме, где они жили. Когда я познакомилась с ними поближе, художница меня удивила — разорвавшийся черный пиджак мужа она зашила белыми нитками, а когда муж сказал, что суп горяч, она подлила в тарелку холодной воды из-под крана. Хозяин квартиры, одинокий человек, не пользовался комнатой, которую он нам отдал, и денег за нее с нас не брал. Ход в комнату был отдельный — со двора через кухню, которой он тоже не пользовался. Кухня — большое запущенное помещение, заваленное огромным количеством хлама, с разрушенной плитой. Вот в этом хламе, порывшись, переводчик Давид Бродский нашел самовар — почистил, отмыл, отмыл и валявшийся здесь сапог. Не знаю, чем он разогревал самовар, но Давид раздувал его сапогом, и мы пили с друзьями морковный чай из самовара! Счастливый период, праздничный! Неустроенности, нехваток не замечали.

Жить было весело, но надо было что-то делать. Я хотела учиться, хотела поступить на математический факультет. Свидетельство об окончании средней школы у меня было. Гимназия, в которой я училась после революции, была преобразована в украинскую школу с широкой программой: древними языками и т. п.; но началась гражданская война, мой город Умань много раз переходил из рук в руки — власть менялась — занятия прерывались. Словом, к экзаменам в университет я была не готова. Надо бы заняться с педагогом, но денег у нас на это не было. И тогда Лева вспомнил, что у него есть знакомый математик, Иван Петрович Бабичев. Поговорил с ним. Бабичев согласился. Договорились, что будем заниматься два раза в неделю, плата за неделю — буханка хлеба. Муж получал четыреста граммов в день, отец его — тоже 400, а я, мама мужа и две сестры-школьницы — по двести. За неделю можно было сэкономить буханку. Заниматься с Иваном Петровичем было интересно. Ясно, увлеченно он говорил о законах своего любимого предмета. Его задания — задачи по алгебре и геометрии — я решала без него. Он в дни занятий проверял, даже отметки ставил и подписывал мои работы. Однажды я увидела вместо обычной подписи "И. Бабичев" подпись "Антихрист", ничего не поняла и спросила:

— Что это, Иван Петрович?

Он сказал:

— Это — я! Я — антихрист, а жена моя — Тсирхитна.

— Что?!

Бабичев поднял руку с растопыренными почему-то пальцами и ушел. Мы обедали у родителей Левы по их просьбе, и я за обедом рассказала им

и пришедшему туда с работы мужу о странном поведении моего учителя. Мать мужа взволновалась, вскрикнула:

— Я же говорила... говорила... Он — сумасшедший! Зачем ты его привел?

А муж сказал:

— Ну, ничего, на него иногда находит... Это пройдет, пройдет, обойдется!

Но свекровь с этого дня стала посылать ко мне на уроки своих дочек. Уроки начинались после того, как девочки приходили из школы. Мебели у нас в комнате было мало: кровать, стол и стул; так что девочки сидели, пока шел урок, на чемодане. Но дальше произошло вот что. Мой отец приехал в Одессу в командировку, пришел к нам, принес бутылку вина, поставил на окно и сказал:

— А это, когда пойдем обедать к Левочкиным родным, возьмем с собой.

Через некоторое время пришел Эдуард Багрицкий, увидел бутылку вина:

— О! Никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь! Можно выпить?

— Конечно, — сказала я.

Эдуард Георгиевич пошел на кухню, взял с умывальника стакан для зубных щеток, нашел еще какую-то чашку, принес, раскупорил бутылку, налил в чашку себе чуть-чуть (он вообще не пил спиртного), а Бабичеву налил полный стакан. Чокнулись, выпили. И тут Бабичев взвыл!.. Выл отчаянным голосом и стал наступать на отскочившего от него Багрицкого. Багрицкий бросился бежать. Побежал наверх по лестнице к своим друзьям. Бабичев неуклюже, почему-то растопырив руки, побежал за ним. Девочки и я испугались. Слышали, как наверху открылась дверь. Впустили Багрицкого... Потом слышали, как Бабичев долго барабанил в дверь, его тоже впустили. Оказалось, что Багрицкого спрятали, а Бабичев бегал по квартире — искал его. Потом успокоился, попрощался вежливо и ушел. Когда мы с девочками за обедом рассказали об этом, мама мужа решительно заявила:

— Ну, все! Занятия кончены! Бабичев больше приходить не будет. Лева! Ты пойдешь в субботу, отнесешь хлеб и скажешь, что занятия прекращаются.

Позже я узнала, что с Бабичевым это было не в первый раз.

До "Потоков" молодые писатели и художники собирались в чьей-то, может быть, брошенной квартире. Там была какая-то мебель и даже рояль.

Место это называлось "Мебос" (меблированный остров). Туда приходил и Бабичев. Он был довольно хорошим пианистом. Играл всем знакомые музыкальные произведения, иногда импровизировал. Его слушали с удовольствием. Однажды он, импровизируя, вдруг перешел на какую-то бурную музыку. Стал играть все громче и громче. Потом стал просто стучать кулаками по клавишам, взвыл. Собравшиеся бросились бежать, а Лева и Ильф залезли от страха под рояль.

Что касается Левиной мамы — то у нее с Бабичевым тоже была одна встреча.

Такие взрывы были у него, по-видимому, редки. Он чаще впадал в состояние растерянности, беспомощности, и тогда становился доверчивым, как ребенок.

В "Потоках" любили розыгрыши, и однажды какие-то ребята из потковцев решили пошутить над Славиним. Использовали доверчивость Бабичева. Сказали ему, что они все — члены коммуны земного шара, председатель которого Велемир Хлебников основал в разных точках планеты всякие службы для населения Земли. Сообщаются с другими учреждениями люди внепространственным транспортом. В любую точку можно перенестись в секунду, и в Одессу все прилетают для стирки белья. Прачечная коммуны земного шара в Одессе, на квартире у Льва Славина. Левочкина мама, открыв однажды на звонок дверь, увидела человека с узелком в руках, человек бормотал что-то про какую-то коммуну и сказал, что он принес белье в стирку. Мама испугалась, захлопнула дверь. Долго стояла, прислушиваясь, отошла от двери, когда услышала, что человек спускается по лестнице. Подбежала к окну и увидела, что он идет с узелком по двору к выходу на улицу. Лева, услышав об этом, страшно рассердился, не за себя: его возмутила хулиганская выходка с Бабичевым.

Бедный Бабичев! Бабичев в обычное время был добрым, вежливым и вполне разумным человеком.

Однажды Багрицкий на собрании в "Потоки" не пришел, сказали: сильный приступ астмы. Он тяжело переносил приступы. Вечером меня попросили подняться наверх к его друзьям и сказали, что нужно привезти пакет с едой больному Эдуарду. "Мы все служим, вы — свободны, ему это необходимо". "Конечно, поеду". Взяла сумку, адрес и на следующий день поехала. Я у Багрицкого дома раньше не была. Соседи показали мне вход в его квартиру. Толкнула полуоткрытую дверь и попала сразу в какое-то помещение, где Лидия Густавовна — жена Эдуарда — что-то жарила на плитке, а Эдуард Георгиевич лежал на кровати и, когда я вошла, стал

натягивать на грудь одеяло. Натянул, и из-под одеяла высунулись босые ноги. Одеяло было коротенькое, вероятно, детское. У Багрицкого был измученный вид, он тяжело дышал, говорить не мог. Лида отошла от плиты, наклонилась и сказала:

— Севочка, дай мне, пожалуйста, я тебя очень прошу, одну картофелинку, а то у меня сегодня одни очистки, получается жидковато, а так будет вкуснее.

Из-под стола голос их сынка:

— Ну вот, у меня были генерал и два солдата. Ну, заberi одного солдата.

Сева, маленький сын Багрицких, играл картофелинами. У него не было игрушек.

— Лидия Густавовна, я тут принесла кое-что... Тут прислали... Здравствуйте...

— Простите...

— Тут прислали...

— Хорошо, спасибо, очень кстати.

Взяла у меня сумку. Я видела, что Эдуард смущен моим приходом. Я попрощалась, он улыбнулся. Я не забуду его измученного лица и вымученную улыбку. Я ушла подавленная.

Багрицкий выздоровел, пришел в "Потоки" и был так же весел, остроумен, беззаботен, как всегда.

Подходил к концу одесский период нашей жизни. Писатели и поэты Одессы потянулись в Москву. Катаев давно уехал. Олеша и Ильф уехали при нас. Решили переезжать и мы.

В Москве комнаты мы снять не могли — было дорого. Поселились в Кунцево. Кунцево семьдесят лет тому назад было непохоже на сегодняшний благоустроенный район Москвы, — это была подмосковная деревня. Осенью — непролазная грязь, зимой скользкие тропинки и снежные сугробы. Мы сняли комнату почти рядом с вокзалом. Из Москвы в Кунцево ходил паровик. Мы выезжали утром: муж — на работу, я — к родным, в студии, где я училась, занятия начинались после обеда. Вечером приезжали домой. Как мы любили этот наш дом! Комната в бревенчатом доме, стенка — перегородка не до потолка, за перегородкой — комната хозяйки — вдовы священника с десятилетним сыном. В комнате тепло и красиво. Очень нравились бревенчатые стены этой избы. А на стене над столом висела наша гордость — первый предмет обстановки, купленный нами, книжная полка.

Паровик привозил нас с Белорусского вокзала за полчаса, и езда в поезде нравилась. В вагоне обязательно "певец" с шапкой, куда все бросали монетки. Кроме известной "Позабыт, позаброшен", я помню смешную песню. Мы думали, что сочинил ее какой-то профессиональный остряк-рифмач, ее пел пожилой, всегда нетрезвый невысокий мужичок:

"Писатель русский знаменитый
Лев Николаевич Толстой,
Под Севастополем убитый,
Погиб отважно, как герой!
Писатель русский знаменитый
Лев Николаевич Толстой
Не ел курей и рыб убитых
И уважал народ простой.
Жена его — Софья Андревна —
Была совсем наоборот:
Купалась в ванне ежедневно,
Носила валенки весь год.
Позор! Позор! Такой нахалке!
Позор, презренье от людей.
А он горит, как вечный факел
Коммунистических идей!"

Эту песню мы слышали ежедневно, пока не перебрались в Москву.

В Кунцево стали жить и приезжавшие после нас писатели Гехт, Бондарин, Кольчев.

Эдуард Георгиевич Багрицкий поселился в Кунцево в 1925 году. Но он снял комнату на другом конце Кунцево, поближе к лесу. Хозяевами его были родители бедной Вали-пионерки. Смерть ее была горем и Багрицких, подросший Сева дружил с ней. Играли вместе во дворе. Эдуард Георгиевич к тому времени уже был известен как поэт: он печатался и в толстых журналах — не только в "Морак" (так называли в Одессе газету "Моряк". Ну и, конечно, потоковцы в шутку). Приступы астмы становились чаще, но Багрицкому нравилась жизнь на природе, он подружился с охотниками, звероловами, рыболовами. В Москву он приехал, когда получил квартиру, не отдельную, конечно, с писателем Марком Колосовым. Его все больше и больше мучила астма, и он редко выходил из дома.

Московский период его жизни описан в воспоминаниях о нем подробно. Я расскажу только о некоторых моментах.

Я помню, как Эдуард, задыхаясь, читал в нашей московской комнате стихи о четырех ветрах. Тогда собирались делать оперу из "Думы про Опанаса". Помню его комнату в Камергерском переулке с аквариумами до потолка, придвинутым вплотную к тахте столом; здесь он спал, жил и работал. И еще несколько стульев для посетителей, которых он любил и хотел видеть. Я помню Кирсанова, Вадима Стрельченко, Липкина, Ярослава Смелякова, их было много около него, молодых поэтов. Но я помню, как он отбивался от графоманов. Над столом висел телефонный аппарат. Багрицкий на звонок снимал трубку и на всякий случай говорил каким-то хриплым, но высоким бабьим голосом: "Вам кого?". И если нужно было, продолжал: "Багрицкого? Его нет. Когда придет? Не знаю. А может быть, и не придет. До свидания". Отвечала баба ко всеобщему удовольствию присутствующих.

Вскоре Багрицкий и вовсе перестал выходить из дома. Как же мы были удивлены, когда узнали, что он собирается ехать в Ленинград! Оказывается, знакомый рыбовод рассказал ему, что в Ленинграде у кого-то есть рыбки, которых нет в Москве, и надо бы поехать взять их. Эдуард привез рыбу. Кажется, она называлась *бойцовый петух*. По-моему, это был последний раз, когда он покидал свою комнату. Умер Эдуард Георгиевич в 1934 году.

Бабеля мы встречали и в 30-х. В 1938 году мы часто с ним встречались в Москве. Я не знаю писателя более жадного до встреч, до узнавания подробностей жизни самых разных людей, из самых разных слоев. От мелких ворюшек и крупных бандитов до известных всему миру ученых, художников, военачальников, чиновников, беговых "жучков".

Я никогда не забуду, как он смотрел на Андроникова, когда увидел его в первый раз. Ираклий Луарсабович любил слушавших его впервые. Они познакомились у нас, и Ираклий Луарсабович становился Алексеем Толстым, Качаловым, Солертинским. Не только голос, мимика, поведение, тексты, которые он для них сочинял, были их способом выразиться, думать, острить или сердиться. Мы часто слушали Андроникова и теперь только радостно смеялись, а Бабель всматривался в него, он как бы врезался в него. Мы очень любили рассказ Андроникова о его тете и дяде, двух грузинских супругах-старичках. В их диалоге-споре, придуманном Андрониковым, он становился то тетей, то дядей с такой непостижимой убедительностью, что это казалось чудом. Бабель всматривался в Андро-

никова, как будто хотел понять: как сделан этот удивительный инструмент. Он только один раз произнес шепотом: "Черт, он — черт", — и, не сдерживая волнения смотрел, вытянув голову, как охотник, нацеливаясь, боясь упустить драгоценную добычу. Ему нужно было все понять.

Однажды он сказал своему другу:

— Я сегодня встретил Женичку, нашу одесскую Женичку. Она пригласила меня в гости. Вы представляете себе, она сказала: "Я вышла замуж за Николая Ивановича Ежова!" Вы понимаете, наша Женичка — Первая Дама Империи! Я пойду туда! Интересно, как у них там?

Его писательское любопытство и довело его до трагической гибели. Председатель комиссии по реабилитации рассказывал, что он, знакомясь с его делом, нашел в папке, на которой было написано "Хранить вечно", записку, вернее, расписку. Бабель писал, что приговор к расстрелу он выслушал. Он просит обвинения, которые он подтвердил, не выдержав пыток, против лиц, ему называемых, считать недействительными, так как он этих людей не знает.

— Ваш друг — герой, — сказал председатель комиссии. — Человек, услышавший, что его через минуту не будет, подумал, что он может навлечь беду на других людей. Он — герой!

Как это страшно и горько...

В 1942 году в Воронеже я услышала о том, что убит Сева Багрицкий, военный корреспондент, поэт. Его нашли в избе, он был один, мертвый, у печки с рукописью в руках, В этой избе располагался штаб какой-то воинской части. Внимание фашистов привлекли самолеты, летавшие над деревней. Охраняют, значит, военный объект. Налетевшие вражеские самолеты выпустили заряд по деревне, население которой было давно эвакуировано, по избе, из которой штаб уже уехал. Выпустили весь заряд по одному Севе. Он остался в пустой избе, выправлял фронтовую корреспонденцию. Ему было 20 лет, самому младшему из моих дорогих одесситов.

Публикация Владимира РУБЦОВА

